

Журнал "Смена"

№ 23, 1966

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 23, 1966 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56555-4

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-56555-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

которому занять оборону... на участке Федорино, Иценно. 13.10 вывести туда всю дивизию».

Другое адресовано генералу Коневу через начальника гарнизона города Калинин:

«Организовать из наличных сил выброской отрядов на автотранспорте фронт обороны по рубежу Старица, Московское море с задачей прикрыть направление на Калинин».

Третье — начальнику Можайского укрепленного полковнику Богданову и командирам двух танковых бригад: «20-ю танковую бригаду выдвинуть в район перекрестка дороги на Михайловское с автодорогой для укрепления направления автодороги».

18-ю танковую бригаду привести в порядок и использовать... вдоль автодороги и Можайского шоссе для укрепления переднего края УР [укрепленного района. — А. К.]. Часть танков закопать в землю и использовать как ПТО [противотанковую оборону. — А. К.]».

Итак, гитлеровцы приближаются к Можайской линии обороны с разных направлений. В распоряжении нашего командования почти нет войск, чтобы парировать возникающие всюду угрозы.

Именно в те грозные дни начала октября 1941 года и были подняты по тревоге курсанты подольских училищ. Они закрыли брешь в районе Малоярославца, а затем совместно с войсками 312-й стрелковой дивизии героически сдерживали натиск врага вдоль Варшавского шоссе. Еще три стрелковые дивизии, московские артиллерийское и военно-политическое училища, училища имени Верховного Совета РСФСР, три запасных стрелковых полка, пять пулеметных батальонов — это было все, что имелось к тому времени на Можайской линии обороны протяженностью в 220 километров. Задача только одна — задержать противника, выиграть часы и дни. Она казалась совершенно невыполнимой: слишком неравны силы. Но советские воины решают ее, трудную преграждая путь ненавистному врагу. А за их спиной в это время успевают развернуться войска, которые прикрывают важнейшие направления: волоколамско-истинское — 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, можайское — 5-я армия генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова, малоярославское — 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, подольско-калужское — 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина. Эти армии, а также войска Калининского фронта и 30-я армия генерал-лейтенанта И. В. Болдина, оборонявшая Тулу, вынесли всю тяжесть борьбы на московском направлении. Упорно и стойко сражались, они сдерживали противника, а затем и остановили первый, октябрьский, вал «Тайфуна».

Гитлеровские войска не смогли вопреки планам своего командования безостановочно пройти до советской столицы и захватить ее. В конце октября их пробивная способность иссякла, и наступление приостановилось. Потребовалась двенадцатичасовая пауза для перегруппировки и восполнения огромных потерь.

УКРОЩЕНИЕ «ТАЙФУНА»

С середины ноября началось новое «генеральное» наступление вражеских армий на Москву. Руководство фашистской Германии торопилось, и на это у него были свои причины. Оно ведь не рассчитывало воевать зимой. Войска были плохо подготовлены и не приспособлены к холодам. Перспектива затяжной войны пугала.

Между тем зима приближалась. К тому же советская столица оказалась заманчиво близкой...

И снова на полях Подмосковья заиграла гигантская битва, невиданная по своему ожесточению. Немецко-фашистские войска рвались напролом, не считаясь с потерями. Будучи уверенными в успехе, Гитлер и его генералы бросали в сражение последние резервы. Все более тревожными и горькими были военные сводки ноябрьских дней. Оставлены Клин... Солнечногорск... Истра... Малоярославец... В полуокружении сражается Тула — героический форпост столицы... Наши армии, напрягая все силы, сдерживают бешеный натиск. Линия фронта изгибается, порой натянута, как струна. Военному совету Западного фронта приходилось перебрасывать на места, где назревала наибольшая опасность, все, что только возможно, с неэвакуированных участков. Счет шел не на дивизии и полки, а на отдельные взводы и отделения солдат с противотанковыми ружьями, группы танков, артиллерийские батареи, зенитные дивизионы. Не раз отражать атаки гитлеровцев приходилось штабным командирам и личному составу тыловых подразделений.

В конце ноября сражение шло у самого порога Москвы — у Дмитрова и Яхромы, в Крюкове и Красной Поляне, у Звенигорода. Отступать было некуда. Советские воины стояли насмерть. Ратный подвиг воинов на фронте слился воедино с непреклонной волей к борьбе трудящихся столицы и Московской области, с единой душой поддержкой всего советского народа, всей страны.

К Москве выдвигались подготовленные в тылу армии. По призыву Центрального Комитета партии, московской городской и областной партийных организаций москвичи и трудящиеся области как один человек встали на защиту родного города. В октябре — ноябре москвичи послали на фронт пять добровольческих дивизий народного ополчения, а сего с начала войны они сформировали 17 танковых дивизий, 12 тысяч бойцов, преимущественно коммунистов и комсомольцев, вступили в созданные в каждом городском районе рабочие роты и батальоны. Вооружались сотнями отрядов, боевых дружин и групп истребителей танков. Примерно 100 тысяч человек проходили военное обучение без отрыва от производства. На курсах медсестер и сандружинисток обучались около 17 тысяч женщин и девушек.

Более полумиллиона жителей столицы, преимущественно женщин, в осеннюю спячку и в мороз возводили в городе и вокруг него — на дальних и ближних подступах — оборонительные сооружения. Тысячи патриотов круглосуточно несли службу в командах МПВО, дежурили на крышах при воздушных налетах, добровольно работали в госпиталях, отдавали свою кровь для раненых, готовили и отправляли подарки на фронт.

И при всем этом столица ни на минуту не прекращала ковать для фронта оружие. Военное производство было налажено почти на всех предприятиях, на производственных площадях эвакуированных заводов, на предприятиях местной промышленности и промышленности. Теперь, четверть века спустя после тех грозных событий, кажется противоестественным, когда читавши, например, рапорт о том, что на заводе «Спортивный» организовано производство лыжных установок для пулеметов и артиллерийских орудий; что завод, производивший кровати, стал делать

сaperные лопаты и боеприпасы; что артель, изготовлявшая замки для дамских сумочек, занималась деталями противотанковых гранат, а артель стежальных бус и елочных украшений готовила бутылки с горючей смесью... Но так было. Во имя нашей победы.

Усилиями Коммунистической партии фронт и тыл превратились в единое и неразрывное целое. Это и было то главное, решающее, что окончательно укротило гитлеровский «Тайфун». Два месяца бушевал он смерчами и шквалами на полях Подмосковья, неся смертельную угрозу советской столице, и все же был усмирлен стойкостью и упорством советских людей, обессилел и стих, так и не дотянув до Москвы.

ПОД МОСКВОЙ ЗАНИМАЛАСЬ ЗАРЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Итак, к концу ноября — началу декабря 1941 года оборонительный период битвы под Москвой завершился. Немецко-фашистские ударные группировки, наступавшие на Москву с севера и юга, полностью и окончательно выдохлись. Истощенные громадными потерями, переутомленные до крайности и упавшие духом, гитлеровские войска не имели уже резервов. В ближайшее время их нельзя было перебросить и с других участков советско-германского фронта. Гитлеровский план, рассчитанный на захват Ленинграда, рухнул: перейдя в наступление, советские войска разгромили противника и освободили Тихвин; на юге страны был освобожден Ростов-на-Дону, и враг оказался отброшенным за реку Миус. Коммунистами, связывающие группу армий «Центр» с тылом фашистской Германии, растаплились до тысячи километров. И тому же на временно оккупированной врагом территории активно действовали советские партизаны.

Красная Армия выиграла оборонительное сражение за Москву, предопределила тем самым дальнейший разгром гитлеровцев. В то время как противник полностью исчерпал свои резервы, Советское Верховное Главнокомандование сумело их накопить и не вводить в бой до решающей фазы всего сражения. Лишь в конце ноября Ставка передала в состав Западного фронта три новых армии из своего резерва. Две из них — 1-я ударная и 20-я — сосредоточились на правом крыле, а 10-я — на левом.

Все это были благоприятные для нас факторы, свидетельствовавшие о том, что советский народ и его Вооруженные Силы уже пережили самое тяжелое время. Однако обстановка оставалась сложной и грозной. Советские войска также понесли большие потери.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский вспоминает, например, что уже в период боев на клинском и солнечногорском направлениях в ноябре 1941 года в одной из стрел-

ковых дивизий 30-й армии, которой командовал генерал Д. Д. Лелюшенко, насчитывалось всего около 300 человек; в 58-й танковой дивизии 16-й армии не было ни одного танка, и лишь в 25-й танковой бригаде еще оставалось в строю 12 машин, но 8 из них были устаревшей конструкции.

Севнее и северо-западные столпы гитлеровцы подошли к каналу Москва — Волга, с юга — к Кашине. 2 декабря их части захватили Крюково, а 3 декабря — населенные пункты Белый Раст и Красную Поляну. Вспомогательные же войска сумели продвинуться в Москву на 230—250 километров, теперь же до нее не оставалось только 15. На центральном участке Западного фронта в начале декабря враг нанес удар от Наро-Фоминска к Апрелевке...

Остро и напряженно и предопределили то своеобразие, в котором начиналось контрнаступление под Москвой. Его общий замысел складывался постепенно, в ходе ожесточенной борьбы в конце ноября, и вырастал он из контрударов, предпринятых советским командованием для того, чтобы окончательно остановить продвижение врага к столице. Эти контрудары начались 27 ноября, когда передовые части 1-й ударной армии генерала В. И. Кузнецова, выдвигавшейся из резерва Ставки, разгромили противника, переправившегося у Яхромы на восточный берег канала. 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, перебросивший из-под Серпухова в усиленный танковой дивизией, в тот же день нанес удар по врагу в районе Кашеры и отбросил его к Мордвесу. Это были первые, пока еще местные успехи. Но они показали, что кризис нагрянул.

Решение командования Западного фронта на проведение контрнаступления, представленное в Ставку 30 ноября, было утверждено Верховным Главнокомандующим. В первую очередь предстояло устранить непосредственную угрозу Москве. В дальнейшем предполагалось ставить армиям боевые задачи в зависимости от обстановки. 1 декабря Ставка дала директиву на наступление Калининскому фронту, а также правому крылу Юго-Западного фронта. Таким образом, в контрнаступление переходили войска трех наших фронтов.

Однако даже при этом условии и с учетом переданных в состав фронта резервов Ставки они не имели превосходства над противником в силах и средствах. В этом заключается другая весьма существенная особенность контрнаступления под Москвой. В военном деле неизменным считается правило, согласно которому наступающая сторона для того, чтобы рассчитывать на успех, обязана иметь численное превосходство над противником в силах и средствах. Таково превосходство у нас не было, больше того, по всем основным показателям, кроме самолетов, оно оставалось еще на стороне немецко-фашистских войска. Наглядное представление об этом дает приводимая ниже таблица.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ НА ЗАПАДНОМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ К НАЧАЛУ Контрнаступления

Силы и средства	Советские войска — Калининский, Западный и правое крыло Ю.-З. фронта	Противник — группа армий «Центр»	Соотношение сил
Люди (в дивизиях и бригадах)	Около 718 800	801 000	1 : 1,1
Орудия и минометы	7985	14 000	1 : 1,75
Самолеты	1170	615	1,9 : 1
Танки	721	1000	1 : 1,4

В этих условиях советскому командованию приходилось создавать некоторый перевес в силах лишь на узких участках в полосах наступления армий, на направлениях их главных ударов. Причем делалось это за счет ослабления соседних участков.

Однако на стороне советских войск было одно неоспоримое преимущество — их несомненное морально-политическое превосходство над немецко-фашистскими захватчиками. Каждый советский солдат и командир, защищавший столицу нашей Родины, был преисполнен решимости сделать все для победы. «Под Москвой должен начаться разгром врага!» — этот лозунг Коммунистической партии стал лозунгом дня, вдохновлял и воодушевлял советских воинов, порождая невиданную энергию и массовый героизм.

В дни, когда советское командование осуществляло сосредоточение и перегруппировку соединений для контрнаступления, под Москвой установились жуткие морозы. Но ни глубокий снег, ни холода — ничто не могло угасить высокого наступательного порыва.

5 декабря в наступление перешли соединения Калининского фронта. Через сутки после сосредоточенных авиационных ударов и артиллерийской подготовки двинулись вперед войска Западного фронта, стремясь разбить прежде всего танковые группировки врага, которые рвались к Москве с севера и юга. В тот же день в наступление включились две армии Юго-Западного фронта.

Наше контрнаступление застало противника врасплох. Командование группы армий «Центр» к этому времени достаточно отчетливо представляло себе, что силы его войск иссякли и продолжать наступление на Москву не могут, резервы же все полностью израсходованы. Правда, столь же непоколебимым было его убеждение в том, что в распоряжении советского командования также нет никаких резервов и наступление Красной Армии невозможно. Начавшийся 27 ноября контрудар на истинском направлении рассматривался гитлеровцами как сильные «скользящие атаки», а на юге — как намерение «удержать рубеж Оюк за парадней Тулы».

Несмотря на это, руководящие генералы группы армий «Центр» считали необходимым временно перевести свои войска в оборону, чтобы закрепиться на выгодных рубежах в непосредственной близости от Москвы и затем подготовиться к новому наступлению. Гитлера и его ближайшее окружение не радовала такая перспектива. Они никак не могли примириться с тем, что их планы по захвату советской столицы окончательно сорваны.

Как ни противились в Берлине предложениям о переходе в оборону, 4 декабря генерал Гальдер вынужден был заявить командующему группой армий «Центр»: «Если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов на то, что в ходе наступления северо-западнее Москвы противнику могут быть нанесены большие потери, ему предоставляется право прекратить наступательные действия».

Однако было уже поздно. Контрнаступление советских войск не оставляло врагу времени на организацию обороны. Инициатива в развернувшемся сражении полностью перешла в руки нашего командования. Гитлеровские захватчики под ударами наших войск поспешно покатились на запад, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. За пять дней контрнаступления правофланговые

армии Западного фронта продвинулись на 40 километров. 12 декабря был освобожден Солнечногорск, 15 декабря — Клин. На другой день соединения Калининского фронта вступили в Калинин. На левом крыле Западного фронта под ударами наших войск поспешно отступали дивизии танковой армии Гудериана. Тяжелое поражение нанесли врагу в районе Ефремова, Ливен и Ельца армии Юго-Западного фронта.

Теперь немецко-фашистскому командованию приходилось думать уже не о захвате Москвы, а о том, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Отход врага на ряде участков начинал перерастать в бегство, войска его были деморализованы.

За время контрнаступления под Москвой, продолжавшегося непрерывно в течение всего декабря 1941 года, немецко-фашистские захватчики понесли огромные потери. 15 танковых и моторизованных, а также 23 пехотных дивизии были разбиты, все остальные, входившие в группу армий «Центр», оказались в значительной степени обескровленными. В некоторых танковых дивизиях 2-й танковой армии осталось только по две боевые танковые роты. Состав каждой дивизии 4-й танковой армии не превышал одного усиленного батальона. Не менее 300 тысяч человек, с учетом раненых и больных, тысячи орудий, пулеметов, автоматов, автомашин, сотен танков и самолетов — такова цена декабрьского отступления гитлеровцев. Дороги и поля Подмосковья были загромождены брошенными ими при отступлении оружием и боевой техникой. В результате декабрьского контрнаступления немецко-фашистские войска оказались отброшенными на запад на 100—200 километров.

Личь недостаток сил и средств, отсутствие у нас в то время подвижных бронетанковых соединений да небольшого еще опыта наших командиров в руководстве войсками позволили врагу избежать полного разгрома. К сожалению кризису в немецко-фашистской армии прибавился моральный кризис и в среде ее командования. «Страх за свою судьбу», писал бывший начальник штаба 4-й немецкой полевой армии о настроениях тех дней, — охватил не только часть войск, но и многих представителей командования. То там, то здесь выражались сомнения в способностях политических и военных руководителей».

Гитлер предпочел винить за поражение под Москвой свалить на своих генералов. Он снял с поста главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и сам встал на его место. Командующий группой армий «Центр» фон Бок был смещен генерал-фельдмаршалом Клюге. За «самовольный» отвод войск подвергся отстранению от должности командующий 2-й танковой армией Гудериан. А всего было смещено или ушло в отставку «по болезни» более трех десятков высокопоставленных генералов, которых недавно фюрер осыпал наградами и почестями за молниеносный разгром армий Франции, Англии, Бельгии и Голландии.

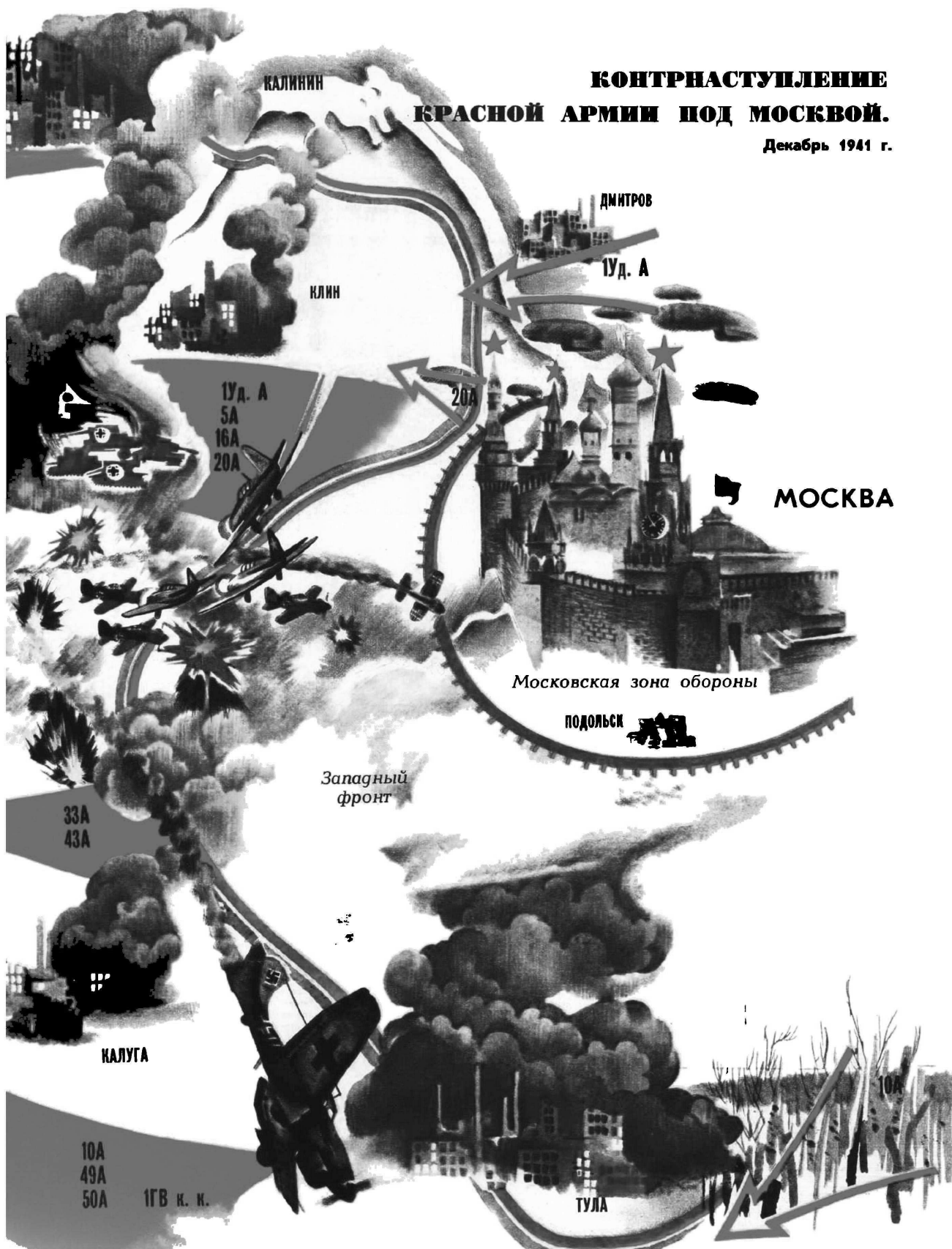
Теперь все выглядело иначе. Отзвуки битвы под Москвой грозными заринками полыхнули по всей Европе, вселив надежды в сердца пораженных народов. Горячее пламя этой великой битвы опалило гитлеровскую Германию. Миф о непобедимости немецко-фашистской армии навсегда был сокрушен советским народом и его Красной Армией.

Полковник А. КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических наук

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПОД МОСКВОЙ.

Декабрь 1941 г.

Умению воевать москвичи учились на улицах, площадях, стадионах родного города.

В те дни завод «Динамо» изменил профессию: в его цехах ремонтировались танки.

Фото И. ШАГИНА

А. М. ПЕГОВ,
секретарь Исполнительного
комитета Московского
городского Совета
депутатов трудящихся

ПОДВИГ ЮНОСТИ

Редакция «Смены» попросила меня написать статью о московских комсомольцах и об их делах в грозные дни 1941 года. В то время я был секретарем МК и МГК ВЛКСМ.

Я сел за работу с уверенностью, что дело пойдет легко: ведь такое не забывается, а кроме того, у меня сохранилось немало документов, справок, фотографий тех лет.

«Московская организация ВЛКСМ, насчитывавшая перед войной свыше 600 тысяч комсомольцев, являлась одновременно городской и областной организацией. Комсомольцы Москвы были боевым отрядом всего Ленинского комсомола и показали примеры высокого героизма с первых же дней войны».

Я подготовил эту первую фразу статьи и, странное дело, почувствовал, как трудно писать. В ясное, спокойное и, прямо скажем, суховатое течение статьи врывались воспоминания. Очень яркие, волнующие, бередающие душу. Первые дни войны... Думая о них, вспоминая себя в те дни, я вспоминаю ночь на 22 июля 1941 года — ночь, когда москвичи физически ощутили кровавое дыхание войны, впервые увидели врага — не на фотографиях в газетах, не на экране кинохроники...

В ту ночь мы были в здании МК и МГК ВЛКСМ на улице Куйбышева. По всему зданию и на крыше дежурили ребята-комсомольцы: налетов фашистов уже ждали, готовились, и всюду в столице были организованы спасательные и пожарные команды. Что-то около полуночи завыли сирены и по радио объявили воздушную тревогу. Я подбежал к окну и увидел фантастическое зрелище. На западе, словно тысячи белых гигантских щупалец, бродили по небу призрачные столбы прожекторов. В их лучах ослепительными точками всплывали крохотные, как будто игрушечные самолетики, такие безобидные на первый взгляд. Небо светилось сотнями, тысячами разрывов зенитных снарядов, цветные трассы пересекали его во всех направлениях. Гром зенитной артиллерии и падающих бомб приближался к центру города.

Конечно, в те дни мы были еще очень неопытными, совсем зелеными в военном деле. Комсомольцы-дежурные, как и я, с тревогой смотрели на это грозное зрелище. И когда внезапно рядом, совсем рядом, раздался оглушительный грохот, дом на противоположной стороне вдруг осветился заревом взрыва, а по всему зданию МК и МГК зазвенели разбитые стекла, я даже не

понял, что произошло. Но потом, выскочив из кабинета, увидев окровавленные лица дежурных (несколько ребят ранило осколками оконного стекла и прилетевшими с противоположной стороны кусками кирпича), мы впервые почувствовали: война пришла в Москву. Надо было что-то делать. Я вызвал раненых ребят на улицу, чтобы отправить на ближайший медпункт — своего у нас еще не было. И тут в лучах прожекторов, на высоте всего нескольких сот метров увидел летящий прямо над нами самолет. Фашистский, вражеский. Спокойно, не обращая внимания на обстрел, шел фашист над Москвой. Это потрясло меня до глубины души, это было невероятно! А утром вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым мы были на Гоголевском бульваре и видели разбитый прямым попаданием дом и трупы погибших москвичей. Гнев, ярость, горечь заливали сердце. Хотелось немедленно что-то делать, что-то немедленно предпринять. Действовать!

Я и мои друзья, секретари МК и МГК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и Н. Т. Сизов, отправились к Александру Сергеевичу Щербакову проситься на фронт. Сердца наши горели ненавистью к фаши-

стам, сидеть в Москве в такие дни казалось невыносимым, казалось, что если мы немедленно не возьмем в руки винтовки, автоматы, не пойдем бить проклятых врагов, не сможем жить ни минуты!

В МК, перед кабинетом Щербакова, пыл как-то поутих, мы почувствовали: что-то мы делаем не так, попросту говоря, оробели. Друзья остались в приемной, послали меня вперед. «Посмотри, разведай, как примет нашу просьбу...» — напутствовали они меня.

Александр Сергеевич, загруженный в те дни выше всякой меры, совмещавший должности секретаря ЦК ВКП (б), секретаря МК и МКГ ВКП (б), начальника Главного управления Красной Армии, начальника Совинформбюро, всегда очень внимательный и доброжелательный к делам и нуждам комсомола, выслушал меня мрачно. «Душа у них, видите ли, горит! На фронт захотелось...» — проговорил он грозно. — «Тогда мне революционеры нашлись, какими фразами бросаются! А что будет тыл обеспечивать? Резервы готовить? Москву защищать? И еще и еще столько слов, обидных, справедливых, резких, таких, что выскочил я от Щербакова, как из бани —

красный, пристыженный. Друзья все поняли. «Партия поправила комсомол», — заметил кто-то из них. И хотя сказано это было с юмором, слова были очень точными. Партия направляла комсомол на трудную работу по мобилизации всей молодежи на войну, на труд в тылу, на оборону столицы.

Однако довольно воспоминаний. Передо мной справка о строительстве посов обороны вокруг Москвы.

«Требовалось срочно построить оборонительные рубежи вокруг Москвы. Вместе со взрослыми комсомольцами активно трудились 200-тысячная армия комсомольцев столицы. Возраст молодых строителей олеоп, ровов, дотов и других сооружений: 15—16—17 лет.

Московской городской и областной организации комсомола потребовалось лишь двое с половиной суток для того, чтобы организовать добровольческие комсомольские отряды города и районов и отправить их к местам работы».

Я до сих пор с гордостью за московских комсомольцев вспоминаю этот массовый подвиг, иначе не называешь: двести тысяч за два дня! Вот уж поистине по первому зову!

...На вокзале мы провожали добровольцев-строителей. Колонна за колонной, в военном строю, с чемоданчиками, с рюкзаками шли юноши и девушки в наскоро составленные из классных вагонов и теплушек эшелоны. Подбежал паренек с чемоданчиком. «Дядя, куда садиться?» Я смотрю. А сколько же ему лет? На паренке пиджак, перетянутый широким поясом, большие, не по размеру сапоги. Лет тринадцать, четырнадцать, не больше... Спрашиваю: «А сколько тебе лет?» В глазах паренька мелькают тревога и испуг. Секунду смотрит на меня, а потом бросается бежать. «Стой, вернись, рано тебе еще!» Куда там, как заяц, пугая следы, юркнул в какой-то вагон, только его и виднелся!

«В результате самоотверженного труда трудящихся и молодежи столицы на подмосновских рубежах и в самой Москве за очень короткое время было сооружено противотанковых ровов — 324 километра, противопехотных препятствий — 256 километров, огневых точек — 3 800, из них железобетонных — 2 500, 37 500 стальных противотанковых ежей».

В те дни я довольно часто встречался с Александром Сергеевичем Щербаковым.

Меня поражаало в нем одно качество. Вера в человека. Я не знаю, как он осуществлял знаменитый ленинский принцип — «доверься, но проверь» (несомненно, он им руководствовался), но часто мне казалось, что доверял он нам безгранично. Поручит, бывало, дело, потом спросит: «как?» и посмотрит при этом с полным доверием, и невозможно было при этом хоть на волосок сказать не то чтобы неправду, нет, даже просто неточно. Какой бы она, правда, порой трудной ни была. Очень большую ответственность накладывало его доверие, очень большой школой оно для нас было...

Однажды меня вызвал Александр Сергеевич. Это было в самое тяжелое осеннее время: немцы рвались к ближним подступам, часть районов области была оккупирована.

— Надо поднимать комсомол на беспощадную войну в тылу фашистов. Надо уничтожать коммуникации, жечь топливо и боеприпасы, жечь жилье, чтобы они, как клопы, мерзли на морозе! — сказал он. — Надо создавать комсомольские диверсионные группы. Дело опасное, дело смертельное, но мы знаем: комсомол справится!

«Большую помощь действующей армии в отчаянно-донарабских боях за Москву оказали активные действия партизан Подмосновья. Враг находился в некоторых районах Московской области. Возникла необходимость организации в этих районах партизанских отрядов. И здесь, как и в других делах, московская организация комсомола оказала большую помощь партийным органам в формировании таких отрядов.

Сотни тысячи комсомольцев участвовали в борьбе против фашистских захватчиков. Среди них были такие, как секретарь Можайского горкома комсомола Грибов, секретарь Осташиновского райкома Прохоров, комсомольцы-герои Скворцов, Шумов и многие-многие другие».

Ко мне пришла группа молодых рабочих с завода «Серп и молот». Это было как раз в начале формирования особых групп для выполнения спецзаданий в тылу немцев. Обычно отбирались среди добровольцев самые надежные, самые подготовленные, физически крепкие ребята, и перед началом занятий в специальной школе с ними беседовали товарищи Шелепин, Сизов или я.

Во главе группы был беспартийный молодой инженер-конструктор Константин Пахомов, помимо имени и других ребят: Николай Галочкин, Виктор Ординерцев, Шура Грибков, Женя Полтавская, Николай Каган, совсем еще юноши — Кирьяков, Маленков.

Всего восемь человек. А еще лучше помню их

глаза — черные, голубые, серые, смотрели они настойчиво, выжидающе, гордо. «Идете на опасное дело. Готовы?» «Готовы на все», — был ответ. «Готовы умереть за Родину, если надо будет?» «Готовы!» — был ответ. «Понимаете, что вас выбрали из лучших, из самых достойных?» «Готовы на все за Родину!» — отвечали ребята.

Подготовка в те дни была самая минимальная: обстановка не позволяла тратить и лишнего часа. Через три дня группа была заброшена в тыл врага — странно теперь сказать, под Волоколамск! Странно подумать, представить вам, молодые комсомольцы шестидесяти годов, что Волоколамск был тылом гитлеровцев!

Случилось непредвиденное: группа напоролась на засаду. На лесной дороге прямо в лоб неожиданно их встретила рота гитлеровцев, высланная против партизан. Пахомов и его друзья приняли неравный бой. Горячие сердца, беспредельная преданность Родине, комсомолу, партии и... очень мало боевого опыта. Ведь всего неделю назад они стояли у стенков...

Их взяли живыми. Навалились, скрутили, оглушили, избили, искалечили. А потом всех восьмерых после нечеловеческих пыток повесили на площади в Волоколамске.

Они были первыми. Они не успели выполнить задания, не сумели, может быть, но они сделали все, что смогли: были мужественными до конца, гордо смотрели в глаза своим палачам, не проронили ни слова под пытками, даже имен своих гитлеровцам не назвали. Они отдали жизни за Родину. Вслед за ними дорогой подвига шли тысячи московских комсомольцев, с успехом выполнявших самые сложные, самые опасные боевые задания. Многие из них, став опытными разведчиками, забросывались потом и дальше в тылы, в Белоруссию, на Украину.

«В этот же первый период войны трудящиеся Москвы проделали колоссальную работу по эвакуации крупнейших столичных заводов в тыл. Но и после этого промышленная Москва продолжала напряженный труд. Цеха опустевших заводов вновь наполнились старыми, подержанными станками, и ими становились 13—14—16-летние подростки и налаживали выпуск боевого оружия для фронта.

Московские предприятия быстро переключались на выпуск боеприпасов. Там, например, завод «Красный штамповщик», выпускавший до войны эмалированную посуду, был переведен на выпуск важнейших деталей гранат. Люстрозавод Бузманского района освоил выпуск гранат, заводы железобетонных конструкций стали выпускать сборные железобетонные ДОТы. В ноябре 1941 года предприятия столицы освоили выпуск новых видов оружия — минометов и автоматов.

В этом героическом труде самое горячее участие принимали комсомольцы и молодежь Москвы».

Глубокой ночью мы приехали с товарищем Михайловым на «Красный пролетарий». В девятом цехе нас встретила необычная для заводщины. Синие лампочки под потолком, яркие светильники у станков и полное безлюдье. Мастер цеха, старый коммунист Горячев объяснил: «Сейчас обеденный перерыв. Ребята наскоро поели в столовке и теперь спят». Тут мы увидели: мальчишки и девочки, в домашних курточках и халатах устроились кто где — между станками, на ящиках, на грудах каких-то деталей — и спали мертвым сном. Было три часа ночи. Сердце сжималось при виде беспомощных фигурок, застывших в смертельной усталости. Вдруг резко прозвенел звонок. Перерыв окончился, и сразу ожил цех. Не мальчишки и девочки — рабочие, опытные, быстрые, точные, стали к станкам, завели, загудели моторы, полетела, закружилась серебристая стружка. «Цех выпускает минометные минометы», — пояснил мастер. Мы подошли к пареньку у токарного станка. «Становись! Пять норм выдает уже неделю!» — с гордостью сказал мастер. Я посмотрел на токаря. Он стоял на шпильке — иначе не дотянулся бы до суппорта токарного станка! Нет, не жалость — гордость за этих замечательных ребят наполняла нас...

«И закономерно, что московская организация комсомола, давшая Родине десятки тысяч самоотверженных героев, была награждена орденом Красной Звезды. А впоследствии на комсомольском знамени Москвы, как дань великого уважения Родине, загорелся самый дорогой ее орден — орден Ленина».

...За окнами декабрь. Декабрь 1966 года. Я отрываюсь от воспоминаний и документов, воскрешающих дни и дела нашего поколения, дни и дела комсомольцев соросовских годов. Я знаю, верю: дело, знамя московских комсомольцев и сегодня в сильных, молодых, верных руках. Помните ваших отцов и братьев — комсомольцев военных лет, крепко держите их знамя. Ваше знамя!

Фото И. ШАГИНА

Ц. СОЛОДАРЬ

ДЕЙСТВУЮТ

Старый, потрепанный блокнот. Поначалу даже кажется, что он исписан не мной: ведь прошло почти четверть века, и почерк разительно изменился. Нет, нет, именно из этого блокнота приходилось диктовать изнемогающим от бессонных ночей фронтовым телеграфистам корреспонденции по адресу: Москва, «Комсомольская правда».

Было это в первые месяцы войны. И сейчас, когда спрашиваешь себя: «Канье же дни памяты более всех?» — в сердце властно стучатся картины именно тех — самых тяжелых и горьких — дней боев под Москвой.

«Действуют по-комсомольски!» Эти слова, — записал я тогда, — вошли в обиходный лексикон фронта. Их можно услышать на аэродромах, в блиндажах связистов и на артиллерийских наблюдательных пунктах, на полевых танкодромках, в политотделе, на коротких привалах и на полях, где еще дымятся следы боя. Выражение «действуют по-комсомольски» слышишь от генералов и лейтенантов, от комиссаров и политруков, от молодых бойцов, которые еще только идут незабываемой минуты вступления в комсомольскую семью, и от бывалых воинов, оставивших далеко позади пылин комсомольский возраст.

Но где же, где впервые довелось мне услышать эту ставшую крылатой фразу?

— Рубеж Смоленщины и Московской области. Бой идет за каждую пядь земли. Нужно во что бы то ни стало выбить фашистов из небольшого села и овладеть господствующей над местностью высотой. Сложную операцию, которая должна дезорганизовать массированные силы противника, ведет первый батальон. Он принял на себя главный удар фашистских танков. Силы тают.

В ночь командир полка майор Щербанов посылает батальону подкрепление — стрелковый взвод во главе с секретарем комсомольского бюро полка Григорием Выгоном. Пойти в бой за своим вожаком добровольно выдвинулась группа комсомольцев из других взводов. Они знали, что для достижения цели неминуема рукопашная.

Утром майор Щербанов спросил по полковому проводу командира первого батальона:

— Ну, как там подкрепление действует?

В трубке заронотали ответные слова комбата. Они вызвали на усталом лице командира полка теплую улыбку.

— Что он ответил? — спросил комиссар.

— Говорит, действуют по-комсомольски.

А наутро из донесения комбата стало ясно содержание двух слов: «Действуют по-комсомольски». Взвод, с которым пошел на штурм Григорий Выгон, скрытно пробрался к окопиче во фланг врага. Фашисты не приняли близкого боя и стали отступать. Отстреливались, укрываясь в селянни. Но взвод, несмотря на потери, продолжал наступление. Оно и решило исход боя за высоту.

Днем Григорий Выгон вернулся на командный пункт полка. Я стал спрашивать его о боевых делах комсомольцев. Неожиданно Выгон, молодой педагог-историк, ставший комсомольским вожаком только на фронте, предложил:

Пойдемте на комсомольское собрание, там вы многое поймете. Соберутся комсомольцы роты лейтенанта Калмыкова.

Комсомольское собрание на переднем крае?

Прочти, видимо, этот вопрос в моем удивленном взгляде, Григорий сиззал:

ПО-МЕТРИЧНО!

— На собрание отпущено ровно двадцать минут. Ни секунды больше. Очень оно необходимо, очень... Его будет проводить ротный комиссар Михаил Соколов. Приглядитесь к нему, прислушайтесь — многое поймете!

Давно я уже вышел из комсомольского возраста, но как журналисту и писателю немало за последние годы доводилось бывать на комсомольских собраниях. И на любом из них — у молодых алтайских целинников, у моряков вдали от родных берегов, у строителей таежной магистральной вспоминали (и всегда, всегда буду вспоминать) собрание в роте лейтенанта Калмыкова. И не только само собрание, а и то, как, говоря обидным языком, было выполнено его решение.

С Григорием Выгоном мы пробрались в роту Калмыкова поздним вечером. Утром ей предстояло пойти в бой и выбить противника с укрепленного пригорка, закрывавшего подступы для контратаки наших частей.

Мы нашли Михаила в поросшем иустарином овражке. Моросил мелкий дождик. Прикрывая полую плащпалатку ученической тетрадкой, Соколов старательно, как на уроке чистописания, переписывал слова из обращения VIII съезда Ленинского комсомола: «Наши знания, наши вкусы и наша жизнь принадлежат власти рабочих и крестьян. Мы не щадили их в огненные годы гражданской войны, мы без вздоха сожаления отдадим их в дни новых испытаний и побед».

— Нет здесь у нас такого плаката, — засмеянно объяснил Михаил Выгону. — И я подумал: неплохо бы перед собранием пустить эту тетрадку по рукам.

Через несколько минут собрались комсомольцы, и под грохот артиллерийской дуэли Соколов открыл собрание.

— Мы должны выбить гитлеровцев из села, — начал он. — Послушайте же, как они так хозяйничают! Вот что вам про это рассказано! — Он показал на двух крестьянских девушек, которых еще мы не сразу разглядели в вечерней темноте. — Это комсомолки Катя и Паша. Они убежали отсюда! Девушка в красной майке шинели, накинута на плечи поверх летнего платья, сделала шаг вперед. Короткую паузу прервало глухое рыдание.

То, о чем не в силах была рассказать Катя, бойцы услышали от Пашки.

— Отобрали фашисты все, что наши не успели спалить. Даже женскую одежду всю позабирали. А теперь требуют еще овчины, теплые вещи. Не пригоните, говорят, спрятавший в лесу шкот, — расстреляем заложников. Семнадцать человек взяли. Беременная женщина тоже с заложниками в голоде и холоде сидит. Девчат сплюют на офицерские пирушки. Ночью пинают. Переводчик говорит: «Пойте песни, мы знаем, ваше село певунами славится...» Мы молчим. Фашисты за револьверы хватаются. А потом...

Девушка умолкла.

— Рассказывай, все рассказывай! — неожиданно вскричала Катя. Гнев совершенно преобразил ее. — Мучили, насилничали. Мы с Пашей хоть выжили, а девушки еще больше помыслила голос: — Комсомольцы, родные, бейте их, окаянные! Милые, бейте, рубите, колите! Вы не за все отплатите, мы знаем, за все, за все! Ведь правда, товарищи?

Комсомольцы вновь услышали голос Соколова. В эти секунды он казался каким-то непривычным, бойцы чувствовали, что комиссару нелегко совладать со всплывшим в сердце гневом.

— Мы должны ответить на вопрос Катя, товарищи. И мы можем ответить. Разве не ответишь ты ей, товарищ Комовалов? Поминишь, ты мне показывал карточку своей сестры. Говорила, она окончила курсы трактористов и работала в МТС. Ты очень ею гордишься. Верно! А ты, товарищ Гладун, ты тоже сможешь ответить Катю. Мы знаем, какие длинные письма ты пишешь своей невесте. Она, кажется, студентка технологического института? Ее карточку мы тоже видели. Вспомните своих сестер и невест, вспомните матерей своих и дайте ответ вот этим девушкам...

Двадцать минут истекли. Прерий не открывали. Решение комсомольского собрания тоже не было запротоколировано. Но оно, это решение, было столь единодушным, столь непреклонным, что только вместе с жизнью его можно было вырвать из горячих сердец комсомольцев стрелковой роты лейтенанта Калмыкова.

С первыми лучами скупого осеннего рассвета рота пошла на штурм вражеского укрепления. Советских людей не мог остановить шквальный огонь гитлеровских минометчиков. Фашисты, пытавшиеся перейти в контратаку, не выдержали натиска. Их цепи дрогнули.

А наши пехотинцы рвались вперед. Одних из первых, орудуя ручными пулеметами, шел комиссар Михаил Соколов.

С неумолимой решимостью врагу был навязан страшный для него ближний бой. Еще несколько минут — и можно ринуться врассыпную. Барут с левого фланга застрочил два пулемета. Наша атака могла заглохнуть. И тогда Михаил Соколов решил гранатами уничтожить огневое гнездо. Четыре коротких разрыва. Фашистские пулеметы умолкли. Но вражеской пулей сранил комиссар.

Комсомольцы стрелковой роты выполнили решение своего собрания: и вечеру село было очищено от гитлеровцев. А к ночи семь молодых бойцов роты лейтенанта Калмыкова получили заявления о приеме в комсомол. По-разному были написаны эти короткие заявления. Но в каждом из них неизменно упоминалось имя ротного комиссара...

Через несколько дней на другом подмосковном участке фронта я беседовал с Верой Коротковой.

Словом, действовала по-комсомольски, — закончила Вера рассказ о мужестве и храбрости одной из своих подруг. И, восторженно поглядев на небо, сама себя спросила: — Вот пройдет много-много лет. Будут ли помнить, как сражались комсомольцы?

Помнят. И будут помнить. Нет числа подвигам комсомольцев-фронтовиков, и все они кровью сердца записаны в сознании нескольких поколений юношей и девушек, с гордостью носящих на груди комсомольский значок. Пройдет еще много лет, но память об этих подвигах во имя Родины не умрет. Иногда она неизменно будет наполняться новыми силами молодых строителей коммунизма, о которых коротко и выразительно говорил:

— Действуют по-комсомольски! Да, за любой уголок родной земли самоотверженно бился под Москвой наш воин. И если ты, молодой читатель, встретишь сегодня седовласого человека с зелено-красной ленточной медаль «За оборону Москвы», представь себе, что это твой сверстник, идущий сейчас свинцовую пургу в бой с комсомольским фронтом и нагрудным нагнем солдатской гимнастерки. Назови его москвичком, даже если он, проливший кровь на подступах к столице, никогда еще не шагнул по московским бульварам и площадям...

Семен ГУДЗЕНКО

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Фронтные стихи известного советского поэта Семени Гудзенко язты нами из только что вышедшего в свет 78-го тома «Литературного наследства».

Читая эти стихи, не публиковавшиеся ранее, мы словно листаем военные блокноты поэта. В этих стихах — реальная правда войны, неподдельная, суровая честность, боль и знег патриота.

Мы шли плечом к плечу,
Спали спина к спине,
Ели из одного котелка.
Армейская жизнь нелегка.
И я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

Мороз обжигал лицо.
Ветер бросал в сугроб.
На лыжах не устоять.
Нас взяли тогда в кольцо.
Казалось, что дело — гроб.
Казалось, не устоять.
Но мы прошли сквозь пургу.
Мы вырвались из кольца.
И мы опять на снегу
Спали спина к спине.

Да, я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

Однажды ночью

Коней бросали у обочин.
И таил снег под теплыми боками.
И глухо, как в пустыне бочок,
стучали батарее кулаками.
Полуторки ревели на подъеме
и обессилев, падали в юветы.
И только в чудом уцелевшем доме
храпел солдат, разутый и раздетый.

А ночь была безмысленно спелая:
сойдешь с дороги — до утра кричи.

Солдат лежал, в пуховиках растаяв,
на расклеванной добела печи.
И что ему замерзшие в сугробах,
он завладел теплом и тишиной,
он восемь месяцев в такой могиле пробыл,
где смерть была единственной женой.

Но и оттуда не бежал он к бабам.
Мол, ты один в атаках голосуй...
И сутки отпуска, медаль и поцелуй
дал генерал ему за храбрость...

Мы — студенты

Год отступления горел.
Нам он зачтется за сорок
самых тяжелых лет.
Вспомни оставленный город,
как он смотрел нам вслед.
Вспомни распахнутый восток:
«Всех не прикончат!»
Нет!»

Могилы пилота

Осколки голубого сплава
Валиются в суюм песке.
Здесь всё: и боевая слава
И струйка крови на виске...
Из боя выходила рота,
Мы шли на отдых, в тишину
И над могилою пилота
Почувствовали всю войну.

Всю. От окопов и до тыла,
Резущую, как истребитель.
И отдых сделавшись постылым,
И неуютным городком.

Мы умиралем очень просто.
По нас оркестры не звенят.
Пусть так у взорванного моста
Найдут товарищи меня.

Генерал-лейтенант в отставке
М. Ф. ЛУКИН

ТРУДНЫЕ ДНИ КОМАНДАРМА

Генерал-лейтенанту Михаилу Федоровичу Лукину 74 года. Военную службу он начал 54 года назад рядовым в крепостной артиллерии. Первую мировую войну встретил в чине старшего фейерверкера (унтер-офицерское звание в артиллерии), затем окончил школу прапорщиков и командовал ротой. Во время Февральской революции 1917 года солдаты избрали его командиром батальона. После победы Октября служил в Красной Армии — участник разгрома Деникина, польской кампании. В мирное время занимал ряд высших военных должностей, в том числе был в 1935—1937 годах комендантом г. Москвы. Великую Отечественную войну начал в июле 1941 года командующим 16-й армией. Эта армия особо отличилась в боях за Смоленск. Подвоя итоги Смоленского сражения, командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко докладывал Ставке Верховного Главнокомандования: «Оценивая действия Курочкина и Лукина в продолжение такого большого времени против столь крупных сил, яростно нападавших с целью окружения и уничтожения наших войск, Курочкину и Лукину нужно отдать должное как героям» (генерал-лейтенант, ныне генерал армии, П. А. Курочкин во время боев за Смоленск командовал 20-й армией. — РЕД.).

В дальнейшем Михаил Федорович, уже во главе 19-й армии, непосредственно руководил боями в районе Вязьмы, значение которых в истории обороны Москвы можно понять из следующей оценки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: «...Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, главные силы противника были задержаны в самые критические для нас дни. Мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, не оказались напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

Очень теплые слова посвятил 19-й армии и Маршал Советского Союза И. С. Конев. В газете «Правда» он недавно писал: «Сражавшиеся под Вязьмой воины... это подлинные герои, перед которыми все мы склоняем головы. Я вспоминаю донесения об их действиях. Особенно ярко и обстоятельно докладывал находящийся в окружении командир М. Ф. Лукин: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона».

— 1 —

Заканчивался сентябрь — третий месяц войны. Осень все чаще и чаще напоминала о себе дождями и предвещала туманами, по лес возле деревни Василисино, где размещался штаб 19-й армии, был по-прежнему тих и уютен. Наши землянки приобретали все более комфортабельный вид, несмотря на то, что до линии фронта было каких-нибудь 7—8 километров. Там тоже было относительно тихо — то, что в военных сводках принято называть «боями местного значения и поисками разведчиков».

Честно говоря, я был рад наступившему затишью. Не прошло еще и двух недель, как и принял от Ивана Степановича Копева, назначенного командующим Западным фронтом, 19-ю армию. Передача давала возможность спокойно, без нервотрепки войти в курс дела, познакомиться с частями и командирами. Это была уже третья по счету армия, которой мне доводилось командовать за столь короткий срок войны: сначала 16-я, оборонявшая Смоленск (ее мы сформировали в 1940 году в Забайкалье, перед самой войной перебазировались на Украину и здесь, под Шепетовкой, приняли первый бой с врагом); потом меньше месяца 20-я, а вот теперь 19-я. В то трудное время такие передвижения командиров были явлением весьма распространенным. Стоило прослечь хотя немного «удачливыми», как тебя начи-

нали перебрасывать с места на место, — как говорится, «для укрепления руководства».

Не буду детально останавливаться на положении, складывавшемся на фронте. Об этом достаточно подробно говорится в военно-историческом обзоре, помещенном на предыдущих страницах. Скажу только, что 19-я армия, состоявшая из шести стрелковых и одной кавалерийской дивизии, а также двух танковых бригад, занимала полосу обороны протяженностью 70—80 километров по притокам Днепра — рекам Вопь и Вопец на Смоленщине, западнее Вязьмы.

Мы все понимали, что типична ничего хорошего нам не обещает. Нового наступления немцев следовало ждать со дня на день. Пленные, не потерявшие еще аллобам победителей, заявляли, что Москва все равно скоро падет, так как на нее готовы двинуться сто пехотных дивизий, три тысячи танков и тысяча самолетов. Цифры эти были несколько преувеличенными, но сила против нас складывалась действительно огромная. Присматривая недавно в архиве немецкие карты и штабные документы той поры, я узнал, что противник превосходил нас в пехоте в два раза, в танках — в три раза, в артиллерии — в три раза. Об авиации я и не говорю: ее в 19-й армии не было.

Весь день 1 октября над нами вошла заволок шле на восток самолеты с крестами

— 2 —

— 3 —

на фюзеляжах. Они не обращали внимания на передний край — разбомбить тылы, навести там панику, чтобы танки и пехота потом могли ринуться вперед, смять, окружить, — эту излюбленную тактику гитлеровских генералов мы уже знали. Последняя волна самолетов прошла над нами перед заходом солнца. И все стихло. Начинается!

В ночь на 2-е в штабе никто не спал. Снова и снова связывались мы с частями, с соседями, последний раз уточняя все детали предстоящего сражения. Поздно вечером с передовой вернулся член Военного Совета армии дивизионный комиссар Иван Прокопьевич Шеклаков. Веселый, энергичный, он одним своим присутствием способен был поднять настроение, заразить всех своей неуемной энергией.

Ну, оркестр в встрече готов, остается ждать гостей, — улыбаясь он, вошел в землянку.

В 5.30 утра земля прогудела, и точеч загудели телефонные звонеры. Впрочем, и без телефонных разговоров мы поняли: противник начал артиллерийскую подготовку, вслед за ней начнется первая атака...

Их было много, этих атак, — вторая, третья, десятая... Все они кончались одинаково. Передо мной оперативные сводки тех дней, вот что в них сообщалось:

2 октября — 19-я армия ведет упорный бой в полосе обороны.

3 октября — продолжаются ожесточенные бои на прежнем рубеже.

4 октября — армия по-прежнему сдерживает противника, атакующего силами до 7 пехотных дивизий с танками.

5 октября — упорные бои на всем участке, рубеж прежний.

Все командиры заранее знали, как говорить, свой маневр и выполняли его четко и уверенно. Словом, врагу противостоял хотя и меньший по силам, но хорошо налаженный организм, готовый к любым неожиданностям. Лишь однажды эта четкость, без которой немислима армия, была нарушена. Но об этом чуть позже.

У нашего соседа справа — 30-й армии — дела шли все хуже и хуже. Армия была смята и фактически перестала существовать как единое целое. Окруженные дивизии дрались ожесточенно, но враг получил возможность беспрепятственно двигаться к нам в тыл — то, что на языке немецких генералов называлось «клевцами». В разрыв, образовавшийся между 19-й и 30-й армиями, была брошена созданная из резервов фронта оперативная группа заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Пришлось и нам загнуть правый фланг. В прорыв была послана 45-я кавалерийская дивизия. Но командир генерал-майор Н. М. Дреер на указанном участке не вышел. Это могло обойтись нам очень дорого, и я своей властью снял Дреера. Вместо него был назначен подполковник А. Т. Стуценко (ныне генерал армии), который и выполнял поставленную задачу. Дреера по законам военного времени надо было предать суду трибунала и расстрелять. Но я, честно говоря, никогда не был охотником до таких суровых кар, поэтому просто отправил его в штаб фронта. Там в суматохе о нем, видимо, забыли. Насколько я знаю, Дреер потом воевал достаточно успешно, сделав, очевидно, выводы из своих ошибок.

Угроза окружения вставала перед нами в полный рост — части соседа слева (теперь это была 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова), теснимые неприятелем, начали отход, мы также получили приказ об отступлении за Днепр.

Но как отступить? Обстановка, казалось бы, требовала немедленно сдвинуться с позиций, оторваться от противника и выровнять линию фронта. В этом случае мы могли бы избежать угрозы окружения. Но оторвемся ли, успеем ли организованно отойти на новый рубеж? Ведь основная наша танковая сила — лошади, а враг хорошо моторизован, а следовательно, он может нас просто смять и выйти целехонкий, без потерь, на самые ближние подступы к столице... Я принял решение отходить медленно, с боями, сражаясь за каждый метр земли, изматывая противника, не ожидая такой обороны. Правда, в этом случае угроза окружения не исчезает, но ведь армия вполне боеспособна, собрана в единый мощный кулак и отакакает на себя значительные силы, нацеленные на Москву. А под самой Москвой наши войска почти нет, я это точно знал.

И Шекланов и второй член Военного Со-

Член Военного Совета 19-й армии дивизионный комиссар И. П. ШЕКЛАНОВ

вета Ванева согласился с моим планом. В ночь на 6-е армия с боями начала отходить к Днепру.

В первую мировую войну я командовал ротой и несколько раз участвовал в штыковых атаках. Мы неизменно выходили победителями из таких стычек и не только потому, что в мире нет лучших мастеров ближнего боя, чем русские солдаты. Немцы боялись штыка и приклада и уж, конечно, сами никогда не шли в ближний бой. Этот опыт сейчас очень пригодился. Наши командиры при первой же возможности переходили в штыковые контратаки, и всегда победа оставалась за нами.

Здорово воевали в те дни и танкисты. Танковая бригада генерал-майора Федора Тимофеевича Ремизова, попавшая было в окружение, подверглась «психической» атаке гитлеровцев, решивших, что перед ними слабая, малочисленная группа красноармейцев, загнанная к тому же в лесные болота. Фашисты шагали под музыку в полный рост. Танкисты подпустили их совсем близко, а потом прицельным огнем буквально скопили первую цепь. Вторую и третью смяли танки. Уничтожив два батальона вражеской пехоты, бригада вырвалась из кольца и присоединилась к основным частям армии.

Нам удавалось парировать все атаки врага, стремившегося развить свой успех. Цену за это он платил довольно дорого. Упорный бой разгорался, например, в лесу под Васильевым, там, где вчера еще находились наши штабы. В этом лесу была одна-единственная дорога, и именно на ней была устроена своеобразная «ловушка», перемолочная 10 танков и более сотни автомашин и бронетранспортеров с солдатами. Вся дорога была буквально усыпана подбитой вражеской техникой.

В общем, отход армии осуществлялся по плану, но кое-где немцам удалось вклинуться и нашу подвижную оборону на 20—30 километров. Одна такая группа напоролась даже на штаб армии. Бойцы охраны штаба и полка связи за час с небольшим отогнали фашистов. Пришлось снова сниматься с места, чтобы предвиденная ближе к своим частям. В этом бою героически погиб командир полка связи полковник Базилиевич-Белый. Мы похоронили его в лесу под селом Ломы, поставили над могилой столбик с нарисованной чернильным карандашом звездой и двинулись дальше.

Еще одна большая утрата настала нас в этот день. Погиб Шекланов. Погиб в бою, окруженный со всех сторон вражескими автомашинами. Несколько лет назад мне удалось разыскать двух его дочерей, работающих сейчас инженерами в городе Волжском. Я написал им о том, каким замечательным коммунистом и человеком был их отец, каким ударом была его гибель для всех нас — людей, видевших в те дни смерть на каждом шагу. Хочу воспользоваться случаем и через «Смену» обратиться к комсомольцам Смоленщины — участникам походов по местам боевой славы — с просьбой разыскать могилу Ивана Прокопьевича Шекланова. Он заслужил высокие воинские почести.

7-го утром армия вышла к Днепру. Но

Член Военного Совета 19-й армии бригадный комиссар В. Г. ВАНЕВ

раньше нас здесь оказались немецкие танки... Итак, на Днепре останавливаться нельзя. Фронт прорван. Немцы устремились на восток.

Я стоял на дороге, пропускал перед собой последние части, прикрывавшие отход. Красноармейцы шли в походных колоннах, усталые, но спокойные, без малейших следов паники, бацалды которой очень легко липнут ко всем во время отступления. Вот и танковая бригада, командир ее доложил, что горючее на исходе, а потом показал рукой на юг. Там, всего в нескольких километрах, по параллельной дороге, опережая нас, тоже движется большая колонна войск. Проходят танки, машины с солдатами в лагушающей цете форме. Они спешат к Москве, не обращая на нас никакого внимания. Все ясно: мы окружены.

Ринуться сейчас на врага? Заставить его заметить нас? Комбриг смотрит на меня прощающее. Он готов сию же минуту повернуть свои танки на врага. Но я машу рукой: «Продолжайте движение». Донесшиеся издали раскаты боя говорят о том, что основные части уже заняли рубежи по меридиану Вязьмы и остановили гитлеровцев. Далеко они не уйдут, а партизанщина сейчас ни к чему.

У Вязьмы мне вошла в подчинение 32-я армия генерала Вишневого, сформированная из батальонов московских ополченцев.

В деревне северо-западные Вязьмы я разыскал генерала Болдина. Он сидел со своим штабом, без войск. Ценой огромных усилий Болдину удалось на время задержать прорывающегося противника, но не больше: слишком неравными были силы. Сейчас он собирал остатки своей группы.

Да, кольцо замкнуто. В 20 километрах северо-западные Вязьмы образовался эллипс свободной советской земли, занимаемый 19-й и 32-й армиями, а вокруг враг, стремившийся сузить наш фронт, расчленив группу и разбить поодиночке.

Здесь, на этом крошечном острове, не было тыла. Наша территория настолько простиралась. Все, кто мог двигаться, даже женщины — санитарки, связисты, взяли в руки оружие.

Шесть дней, днем и ночью, шли тяжелые бои. Нельзя было разоборать, кто атакует, а кто обороняется. Ведь мы изо всех сил стремились вырваться из окружения, выйти к Москве.

Именно в эти дни мною была получена радиограмма за подписью И. В. Сталина. В ней говорилось о том, что (ишу по памяти, так как все штабные документы уничтожены, а в архивах найти ее пока не удалось) приход 19-й армии к Москве необходим, защищать Москву нечем и нечем.

Мы и сами понимали, что наша армия, закаленная в боях, хорошо изучившая повадки противника и сохранявшая полностью свою боеспособность, представляла грозную силу. Понимал это и противник. Только теперь я узнал, что в те дни (с 7 по 12 октября) нас окружало 28 вражеских дивизий, в том числе 7 танковых и механизированных. Сосед наш слева — 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова, считавшаяся в моем подчинении, тоже дрались в окружении, отдельно от нас. Связь с ней поддерживалась по радио. В последней радиограмме Ершаков сообщал: «Боеприпасы на исходе, начальник штаба генерал Корнеев тяжело ранен. Вероятно, будем выходить группами». Много времени спустя я узнал, что Ф. А. Ершаков погиб в немецком плену.

Изначально в моем подчинении числился и 24-я армия, но связаться с ней так и не удалось. После гибели командарма генерала Рауткина она откатилась на восток.

Движение врага на Москву застопорилось, он боялся оставить у себя в тылу наши армии, боялся удара с тыла (как только он начинал идти на Москву, мы шли за ним). Но, повторю, о силах, окружавших нас,

я узнал только сейчас, а тогда, собирая боеприпасы, горючее для танков — словом, все, что еще можно было наскрести, мы готовились к прорыву. В этом стремлении нас укрепляла переключенная радиogramма командира 7-й немецкой танковой дивизии генерала Функа (эта дивизия первой вошла в Варшаву и Париж, по приказу Гитлера она должна была первой ворваться в Москву, но так и не добралась туда и закончила свое существование в сталинградском «котле»). Открытым текстом Функ докладывал командованию: «Пустил в бой последних grenader, едва сдерживаю натиск 19-й армии».

Я послал шифрованные радиogramмы И. В. Сталину, начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и штабу фронта, в которых сообщал о готовящемся прорыве. В ответ мы получили из штаба фронта подписанное Г. К. Жуковым, И. С. Коневым и П. А. Булганиным предписание в случае неудачи выходить отдельными частями в район южнее Вязьмы — на участок 20-й армии, где, по доносениям Ерипачева, противник слабее, чем в других местах. К этому времени связи с 20-й армией у нас уже не было.

Прорыв был назначен в ночь на 12 октября. Место выбрали заболоченное (чтобы не было вражеских танков), возле села Богородицкое. Прорывать фронт должны были 2-я дивизия из состава 32-й армии (командир — генерал-майор, ныне генерал-полковник, В. Р. Васильев) и 91-я (командир — полковник И. А. Волков). Перед атакой провели артиллерийскую подготовку, на нее ушли остатки снарядов, в том числе два последних залпа «катюш». Никогда не забуду свой приказ на прорыв, в котором несколько раз повторялись слова: «Сам погибай, но товарища выручай».

...Мы идем не на восток, а на юго-запад. Там нас фашисты не ждут, и, хотя придется сделать основательный крюк, мы должны, обязаны выбраться к своим.

Пробиваться приходится с боями, иногда весьма упорными: гитлеровцев в этом районе оказалось куда больше, чем нам сообщали из штаба фронта. В одной из таких стычек погиб член Военного Совета армии Владимир Григорьевич Ванеев — храбрый, опытный партийный руководитель, до войны работавший третьим секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Именем Ванеева сейчас названа одна из улиц Минска.

В этом же бою я получил сильное ранение в правую руку. Она до сих пор не действует. Все время напоминала о себе и рана в ноге, «заработанная» летом под Смоленском.

Большинство частей 19-й армии сумело пробиться к своим: вырвались из окружения танкисты Ремизова и Корчагина, кавалеристы Стученко и многие другие, в том числе все командиры и комиссары дивизий, участвовавшие потом в разгроме врага под Москвой.

Много времени спустя я узнал о словах И. В. Сталина, сказанных им одному советскому военачальнику: «Передайте спасибо Лукину, он помог нам тогда выиграть войну и подтянуть сибирские дивизии...»

* * *

Недавно, двадцать пять лет спустя, я снова побывал под Вязьмой. Время стерло навсегда все приметы войны: не найти наших штабных землянок в лесу под Васильево, новыми красивыми домами украсились Ломы, Шутово и другие деревни Вяземщины, оставшиеся в памяти на всю жизнь. Пожалуй, единственным уцелевшим «знакомцем» оказалось болото около села Богородицкого, то самое, у которого намечался прорыв. Но, говорят, скоро и его осушат. Жизнь не стоит на месте, она стремительно шагает по земле, за которую сражались и грозном 1941-м бойцы 19-й армии.

Из фронтового дневника
лейтенанта
гитлеровской армии
Г. Линке

Записки крестоносца

